

**Мордовцев Даниил Лукич**

**Самозванцы и понизовая  
вольница**

**Том 1**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8  
ББК 84-4  
Д18

Д18      **Даниил Лукич М.**  
Самозванцы и понизовая вольница: Том 1 / Мордовцев Даниил Лукич – М.: Книга  
по Требованию, 2023. – 290 с.

**ISBN 978-5-519-97369-4**

**ISBN 978-5-519-97369-4**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



# САМОЗВАНЦЫ.

---

## Самозванецъ Степанъ Малый.

Явленіе Пугачова, какъ самозванца и претендента на всероссійскій тронъ, подготовлено было цѣлымъ рядомъ одинаково смѣлыхъ и рѣшительныхъ, но и одинаково несчастныхъ искателей русскаго престола, изъ которыхъ одинъ, солдатъ Кремневъ, появившійся много лѣтъ раньше Пугачова, цѣлые годы высидѣлъ въ воронежскомъ острогѣ и пережилъ знаменитаго Емельяна, другой — Богомоловъ, схваченный въ волжскомъ козачьемъ войскѣ за годъ до Пугачова, умеръ, на дорогѣ въ Нерчинскъ, въ то самое время, когда Пугачовъ имѣлъ уже свое войско, артиллерию и крѣпости и успѣлъ наполнить ужасомъ цѣлую треть населенія Европейской и Азіятской Россіи. Но въ то время, когда Кремневъ сидѣлъ въ тюрьмѣ въ ожиданіи казни, а Пугачовъ былъ еще не больше какъ новопроизве-

денный казакскій офицеръ (хорунжій), но уже мечтавшій о многомъ, — третій самозванецъ, никогда не бывшій въ Россіи и не русскій по происхожденію, но славянинъ, вдали отъ Россіи, но именемъ давно умершаго русскаго императора Петра III, приводилъ въ трепетъ и разбивалъ огромныя турецкія арміи, уничтожалъ всѣ планы и распоряженія сената Венеціанской республики, обращалъ въ бѣгство ея войска и не боялся ея флота, еще страшнаго въ то время. Судьба этого самозванца замѣчательна въ высшей степени: слава объ немъ прошла по всѣмъ государствамъ, и цѣлая Европа говорила о его побѣдахъ, какъ о чемъ-то необыкновенномъ; его именемъ взволновага была большая часть Турецкой Албаніи, Адриатическое поморье, нѣсколько городовъ и селеній территоріи Венеціанской республики и вся Черногорія: черногорцы, албанцы и венеціане неудержимо шли подъ его знамена, поднятыя во имя свободы.

Личность этого замѣчательнаго человѣка принадлежитъ не столько намъ, сколько Черногоріи; однако, она должна быть занесена на страницы русской исторіи, потому что черногорскій самозванецъ дѣйствовалъ именемъ Россіи и, по-видимому за Россію, приводя въ исполненіе, быть можетъ, ложно и необдуманно, но, можетъ быть, и искренно тѣ идеи, которымъ давно сочувствовали лучшіе люди славянскаго міра. Не его вина, если средства, которыми онъ располагалъ, были ничтожны, а сосѣди и тѣ, которые должны были быть его друзьями, боялись его и не задумались въ выборѣ средствъ погубить опаснаго для нихъ человѣка.

Еще до разрыва дружественныхъ сношеній между Россією и Оттоманскою Портою, въ концѣ 1767 года, когда даже въ Россіи, не только за границею, пять лѣтъ громкаго царствованія императрицы Екатерины II давно могли заставить забыть покойнаго императора Петра Ѳеодоровича, не долго царствовавшаго и не успѣвшаго оставить по себѣ памяти, — по Черногоріи мгновенно прошла вѣсть, что онъ живъ и явился у Адриатическаго поморья, чтобы, соединивъ славянскіе народы, томившіеся подъ ярмомъ турецкаго кровительства и составлявшіе часть владѣній вольной Венеціи; образовать, вмѣстѣ съ Россією и Черногорією, одно великое славянское государство, съ господствующею греческою религією. Не знаемъ, могли ли понимать идею этого смѣло задуманнаго или, просто, нечаянно создавшагося плана юнаки-горцы и забитыя славянскія племена Адриатическаго побережья, воодушевляла ли ихъ идея соединенія съ Россією на столько, какъ можетъ намъ это казаться, или кругъ ихъ юнацкихъ понятій единственно ограничивался мечтою о близкой возможности подратъся съ притѣснителями — «са турцима и съ вѣромъ латинскомъ», — только вѣсть о появленіи между ними русскаго царя встрѣтила горячее сочувствіе въ бѣдныхъ славянахъ.

Виновникомъ этого движенія былъ юноша, по-видимому, лѣтъ осьмнадцати, появившійся въ Черногоріи вскорѣ послѣ обнародованія въ Россіи манифеста о смерти императора Петра III и поступившій въ услуженіе къ одному богатому черногорцу, хотя благородная наружность и горделивые приемы не соотвѣт-

ствовали его низкому званію. Никто не зналъ, кто онъ и откуда: знали, или, напротивъ, говорили только, что онъ пришелъ изъ Крайны. Пришлецъ былъ, по-видимому, богатъ, но никто не зналъ, откуда онъ имѣлъ деньги; видно было, что онъ получилъ хорошее образованіе, потому что зналъ нѣсколько языковъ и слылъ въ народѣ подъ именемъ врача. Въ одно время пришлецъ передалъ своему господину за тайну, что онъ — русскій императоръ Петръ Третій, что вѣсть о его смерти распущена русскимъ правительствомъ ложно и такъ далѣе. Намъ знакомы эти приемы: такъ Димитрій, будущій царь Россіи, слуга Вишневецкаго, открывается своему господину, что онъ сынъ московскаго царя и что вѣсть о его смерти распущена тѣми, которые покушались на его жизнь; такъ Пугачовъ, будто противъ воли и съ горестью, повѣряетъ тайну одному яицкому казаку, у котораго былъ работникомъ, что онъ — царь, котораго давно поминаютъ за упокой въ церквахъ, не вѣдая, что онъ живъ и пришелъ спасти Россію, и т. п.

Этотъ новый самозванецъ слылъ въ народѣ подъ именемъ Степана Малаго. Какимъ образомъ въ молодой головѣ его родилась мысль сдѣлаться славяно-русскимъ царемъ; былъ ли онъ къ тому настроенъ и воодушевленъ греческимъ духовенствомъ и православными славянскими монахами, которымъ опротивѣла роль рабовъ и безотвѣтныхъ жертвъ мусульманскаго начальства; помнилъ ли онъ старую дружбу сербскаго народа съ русскимъ и вѣрилъ возможности соединенія съ Россією; была ли это тайная, глубоко скрытая, интрига Австріи,

Пруссіи, наконецъ, какой-либо другой державы или никому неизвѣстной партіи въ Польшѣ, даже въ Россіи, — мы не имѣемъ на это положительныхъ доказательствъ; но что онъ имѣлъ партизановъ въ калугерахъ и другихъ представителяхъ Черногоріи, былъ подготовленъ въ избранной роли, — это несомнѣнно. Онъ увѣрилъ тѣхъ, съ кѣмъ прежде столкнула его судьба, что вѣсть о его мнимой смерти и погребеніи была выдумана русскимъ правительствомъ, что онъ бѣжалъ изъ заключенія и пришелъ спасти славянскія племена и ихъ вѣру отъ турецкаго и латинскаго насилья, — тѣ же приемы, какіе употреблялъ въ свое время Пугачовъ, лаская народъ обѣщаніями свободы и облегченія податей, а раскольникамъ суля свободу вѣры и совѣсти. Черногорцамъ хотѣлось вѣрить словамъ самозванца, и они вѣрили имъ. Всего естественнѣе, что желанія ихъ не простирались вдаль; они не думали да, быть можетъ, и не были на столько развиты политически, чтобы думать о славянской федераціи: было бы имъ хорошо да вѣру ихъ не трогали, жить не мѣшали, — вотъ и все, чего желали они. Вѣроятно также, что и самъ Степанъ Малый не былъ такой энтузіастъ, чтобы мечтать о русской коронѣ; его мечты, быть можетъ, не то обѣщали ему, хотя самъ онъ и сулилъ скромнымъ калугерамъ много несбыточнаго.

Въ сентябрѣ 1767 года, изъ черногорской провинціи Майны, самозванецъ, какъ царь русскаго народа, послалъ въ Будву, въ одинъ изъ приморскихъ городовъ, принадлежавшій тогда Венеціи, прокламацію или манифестъ, съ тѣмъ, чтобы онъ прочитанъ былъ въ городѣ.

«Мы, Степанъ Малый (говорилось въ этомъ странномъ манифестѣ), который скоро будетъ *Великимъ*, возвѣщаемъ народу, что плоды не созрѣли еще; но когда настанетъ время, и созрѣютъ плоды, въ нихъ найдетъ народъ неисчерпаемая сокровища — драгоценные камни, рубины, смарагды, сапфиры, алмазы, золото и серебро, — и каждый, кто увѣруетъ въ насъ, будетъ имѣть все, чего пожелаетъ. Миръ и благоденствіе тѣмъ, которые покорятся намъ, и горе невѣрующимъ и непокорнымъ: они погибнутъ отъ меча и будутъ брошены въ море, которое ждетъ только нашего голоса, чтобы встать и поглотить все живущее.»

Съ манифестомъ отправленъ былъ монахъ Василій Марковичъ, въ то время канцлеръ и секретарь черногорскаго владыки Саввы Петровича. Странная, довольно витіеватая, но самоувѣренная выраженія этой прокламаціи, которую жизнеописатель Степана Малаго называетъ «нѣсколько сумасбродною», произвели на жителей Будвы сильное впечатлѣніе. Марковичъ читалъ воззваніе вездѣ и всѣмъ, кто могъ его слушать, грозилъ и пугалъ именемъ Степана Малаго, ласкалъ обѣщаніями Богъ-вѣсть какого благополучія, — и скоро молва о появленіи въ Черногоріи русскаго царя прошла такъ далеко, какъ едва ли могъ разсчитывать смѣлый самозванецъ. Народъ вездѣ болѣе или менѣе довѣрчивъ, особенно тогда, когда ему тяжело жить, и тамъ особенно, гдѣ, при безвыходности положенія настоящаго горя, ему сулятъ и перемѣну горькой жизни, довольство и счастье въ будущемъ; довѣрчивъ онъ къ этимъ обѣщаніямъ потому, что ему терять нечего, кромѣ

жизни, между тѣмъ какъ въ душѣ у бѣдняка еще остается надежда на лучшее. Особенно вѣрить всякимъ нелѣпостямъ доброе сердце славянина, котораго вся историческая, долговременная жизнь не успѣла много ознакомить съ тѣмъ, что другіе народы называютъ гражданскимъ благосостояніемъ. Понятно, что если русскаго мужика могъ увлечь Пугачовъ, и онъ шелъ подъ его бѣлое съ крестомъ знамя на встрѣчу смерти, не боясь ни кнута, ни Нерчинска, ни даже московской волокиты, то съ подобнымъ же чувствомъ ожиданія лучшей жизни отозвалась Черногорія на зовъ какого-то русскаго царя, котораго она никогда не видѣла; можетъ быть, къ этому примѣшивалось и другое чувство, даже страхъ, внушаемый именемъ самозванца. Наконецъ, однимъ изъ сильнѣйшихъ побужденій стать подъ знамя Петра III была разнесенная по Черногоріи вѣсть, что уполномоченный русскимъ императоромъ калугеръ ихъ, Василій Марковичъ, возбуждавшій народъ къ возстанію, навлекъ на себя месть венеціанскаго правительства, которое старалось схватить отважнаго монаха. Встревоженный сенатъ отсѣнилъ даже его голову. Подобныя оскорбительныя распоряженія венеціанской полиціи не могли не напомнить народу цѣлаго ряда старинныхъ, кровныхъ обидъ, за которыя Венеціи еще не заплачено. Воззванія Марковича сдѣлали то, что все поморье встало поголовно и пошло на встрѣчу русскому царю. Марковичъ увидѣлъ себя во главѣ многочисленнаго народнаго ополченія.

Жители пришли къ Степану съ поклономъ и поздравленіемъ; явились и чиновники изъ Каттаро, чтобы

имѣть честь представиться императору, — такъ велико было всеобщее воодушевленіе! Приморскія пространныя общины венеціанской Далмаціи, цѣлыя провинціи Албаніи и пограничныя сербскія общины, находившіяся подъ властію турокъ, узнавъ о прокламаціяхъ Марковича и слыша изъ устъ народа о появленіи Петра Ш, о томъ, что скоро настанутъ войны съ притѣснителями, что настанетъ скоро и свобода, — послѣдовали общему увлеченію и шли соединиться съ черногорцами. Вотъ почему такъ встревожился венеціанскій сенатъ; не менѣе того ошеломлено было и черногорское правительство, въ главѣ котораго находился тогда митрополитъ Савва, изъ рода Петровичей, человѣкъ добрый, но слабый, почитаемый народомъ болѣе изъ приличія, чѣмъ по внутреннему чувству любви и уваженія къ престарѣлому владыкѣ, который жилъ уединенно и ни во что не вмѣшивался. Тотъ, кѣмъ могуча была Черногорія, владыка Василій Петровичъ, племянникъ Саввы, умеръ въ Петербургѣ въ 1766 году. Около самозванца образовался дворъ, свита, назначены министры и генералы. Знаменитый Симо-Суцца, который давно былъ грозою турокъ, даже черногорцевъ, и всѣхъ, кто только могъ показать ему видъ сопротивленія, пожалованъ званіемъ великаго виночерпія царскаго и генераломъ его арміи. Напрасно старые, лишеныя народнаго довѣрія, приверженцы правительственныхъ сторонъ Венеціи, Турціи и самой Черногоріи старались остановить волненіе населенія, увѣряя его въ неосновательности слуховъ, распущенныхъ партизанами самозванца, и представляя неопровержимыя доказательства, что Петръ

III дѣйствительно умеръ и погребенъ: народу было все равно, что ему ни говорили. Напрасно Венеція, ставъ за свои права, которыя сама давно разучилась уважать въ другихъ, силилась доказать, пуская въ народъ свои казенныя объявленія, что возмутившій его спокойствіе пришлецъ — не царь, а обманщикъ: сербъ не вѣрилъ уже въ то время ни венеціанскому сенату, ни его полиціи, тѣмъ менѣе могъ вѣрить дожу, потому что искони сербъ не любилъ «дужда млетачкога» и въ своихъ пѣсняхъ далъ ему мѣсто малымъ чѣмъ почетнѣе, какое отвелъ «проклетому» турку. Что же касается тогдашней главы Венеціанской республики, дожа Мочениго, то ни черногорецъ, ни далматинецъ не имѣлъ никакого повода любить его особенно, тѣмъ болѣе, что и въ самой Венеціи его не ставили ни во что, называя въ насмѣшку «догарессой» <sup>1)</sup>. Напрасно престарѣлый владыка старался вразумить своихъ подданныхъ письмами и словесными увѣщаніями, представляя сильныя доказательства въ подтвержденіе самозванства Степана Малаго. Тщетными, наконецъ, оказались и послѣднія мѣры къ подавленію возстанія: нашлись люди, которые сами были въ Петербургѣ, при жизни Петра Ѳеодоровича, и лично имѣли случай бесѣдовать съ покойнымъ императоромъ; они клялись, что видѣн-

---

<sup>1)</sup> Вотъ эпиграмма, сравнивающая двухъ послѣднихъ дожей Венеціи съ двумя римскими папами.

Gran doge Foscarini,  
Gran papa Lambertini;  
Ma Rezzonico papessa,  
Moncenigo dogaressa.

ный ими царь нисколько не похожъ на того, который теперь пришелъ въ Черногорію. Тогда явились другіе свидѣтели: они стали увѣрять народъ, что ни указы венеціанскаго сената, ни внушенія владыки, ни показанія лицъ, бывшихъ при русскомъ дворѣ и лично видѣвшихъ императора, никакъ не могутъ быть доказательствами самозванства явившагося между ними русскаго царя; что и сенатъ, и владыка, и всѣ, свидѣтельствующіе противъ Петра III, — его недоброжелатели и клеветы русскаго двора; что всѣ ихъ показанія и клятвы еще болѣе обнаруживаютъ ту таинственную нить интригъ, посредствомъ которыхъ Петръ III лишился престола; что все это ковы его враговъ, новыя преслѣдованія, отъ которыхъ несчастный императоръ не можетъ укрыться даже въ своемъ послѣднемъ убѣжищѣ, у добрыхъ черногорцевъ, «своихъ друзей и братьевъ», у которыхъ онъ пришелъ просить защиты и помощи. Какъ самый сильный и неопровержимый аргументъ того, что явившійся среди ихъ народа странникъ есть дѣйствительно изгнанный изъ Россіи Петръ III, они представляли его любовь къ вину и водкѣ, къ *ракии*, которую царь охотно пьетъ съ своими новыми министрами и генералами <sup>1)</sup>. Наконецъ, не замедлилъ явиться еще одинъ свидѣтель въ пользу самозванца.

Въ Майнѣ, гдѣ прежде всего появился самозванецъ и открылся въ томъ, что онъ царь, былъ тогда сердарь Марко Тановичъ, который пользовался уваженіемъ и

---

<sup>1)</sup> Подлинныя слова жизнеописателя Степана Малаго... son amour pour le vin et le *rachia* ou eau-de-vie qu'il buvoit en abondance avec ses nouveaux ministres d'état et ses généraux d'armée (Stiépan-Mali, p. 21).